Малая книга с историей

В. И. Даль

Сказки

Иллюстрации Н. Михальчук

Сказки
Владимир Иванович Даль

Аннотация
Владимир Иванович Даль. Сказки
Старик Годовик
Девочка Снегурочка
Журавль и цапля
Война грибов с ягодами
Лиса и медведь
Лиса-лапотница
Медведь-половинщик
Ворона
Привередница
О дятле
У тебя у самого свой ум
Лучший певчий
Что значит досуг
Про мышь зубастую да про воробья богатого

Аннотация

Перед вами сборник самых известных сказок Владимира Ивановича Даля – писателя, лингвиста, этнографа, автора знаменитого Толкового словаря живого великорусского языка. Всю свою жизнь Владимир Иванович бережно собирал фольклор, перерабатывал русские сказки и сочинял собственные.

Иллюстрации к этой книге созданы талантливой художницей Наталией Михальчук.

Владимир Иванович Даль
Сказки

© Н. Михальчук, иллюстрации, 2019
© АО «Издательский Дом Мещерякова», 2019

Старик Годовик

Вышел старик годовик. Стал он махать рукавом и пускать птиц. Каждая птица со своим особым именем. Махнул старик годовик первый раз — и полетели первые три птицы. Повеял холод, мороз.

Махнул старик годовик второй раз — и полетела вторая тройка. Снег стал таять, на полях показались цветы.

Махнул старик годовик третий раз — полетела третья тройка. Стало жарко, душно, знойно. Мужики стали жать рожь.

Махнул старик годовик четвёртый раз — и полетели ещё три птицы. Подул холодный ветер, посыпался частый дождь, залегли туманы.

А птицы были не простые. У каждой птицы по четыре крыла. В каждом крыле по семи перьев. Каждое перо тоже со своим именем. Одна половина пера белая, другая — чёрная. Махнёт птица раз — станет светлым-светло, махнёт другой — станет темным-темно.

Что это за птицы вылетели из рукава старика годовика?

Какие это четыре крыла у каждой птицы?

Какие семь перьев в каждом крыле?

Что это значит, что у каждого пера одна половина белая, а другая — чёрная?

СТАЛ СТАРИК ГОДОВИК ПТИЦ ПУСКАТЬ. А ПТИЦЫ БЫЛИ НЕ ПРОСТЫЕ

Девочка Снегурочка

Жили-были старик со старухой, у них не было ни детей, ни внучат. Вот вышли они за ворота в праздник, посмотреть на чужих ребят, как они из снегу комочки катают, в снежки играют. Старик поднял комочек, да и говорит:

— А что, старуха, кабы у нас с тобой была дочка, да такая беленькая, да такая кругленькая!

Старуха на комочек посмотрела, головой покачала, да и говорит:

— Что ж будешь делать — нет, так и взять негде.

Однако старик принёс комочек снега в избу, положил в горшочек, накрыл ветошкой и поставил на окошко. Взошло солнышко, пригрело горшочек, и снег стал таять. Вот и слышат старики — пищит что-то в горшочке под ветошкой; они к окну — глядь, а в горшочке лежит девочка, беленькая, как снежок, и кругленькая, как комок, и говорит им:

— Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком пригрета и нарумянена.

Вот старики обрадовались, вынули её, да ну старуха скорее шить да кроить, а старик, завернув Снегурочку в полотенечко, стал её нянчить и пестовать:

Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платье рядить,
Уму-разуму учить!

Вот и растёт Снегурочка на радость старикам, да такая-то умная, такая-то разумная, что такие только в сказках живут, а взаправду не бывают.

Всё шло у стариков как по маслу: и в избе хорошо, и на дворе неплохо, скотинка зиму перезимовала, птицу выпустили на двор. Вот как перевели птицу из избы в хлев, тут и случилась беда: пришла к стариковой Жучке лиса, прикинулась больной и ну Жучку умаливать, тоненьким голосом упрашивать:

— Жученька, Жучок, беленькие ножки, шёлковый хвостик, пусти в хлевушок погреться!

Жучка, весь день за стариком в лесу пробегавши, не знала, что старуха птицу в хлев загнала, сжалилась над больной лисой и пустила её туда. А лиска двух кур задушила да домой утащила. Как узнал про это старик, так Жучку прибил и со двора согнал.

— Иди, — говорит, — куда хочешь, а мне ты в сторожа не годишься!

Вот и пошла Жучка, плача, со старикова двора, а пожалели о Жучке только старушка да девочка Снегурочка.

Пришло лето, стали ягоды поспевать, вот и зовут подружки Снегурочку в лес по ягодки. Старики и слышать не хотят, не пускают. Стали девочки обещать, что Снегурочку они из рук не выпустят, да и Снегурочка сама просится ягодок побрать да на лес посмотреть. Отпустили её старики, дали кузовок да пирожка кусок.

Вот и побежали девчонки со Снегурочкой под ручки, а как в лес пришли да увидали ягоды, так все про всё позабыли, разбежались по сторонам, ягодки берут да аукаются, в лесу друг дружке голос подают.

Ягод понабрали, а Снегурочку в лесу потеряли.

Стала Снегурочка голос подавать — никто ей не откликается. Заплакала бедняжка, пошла дорогу

искать, хуже того заплуталась; вот и влезла на дерево и кричит: «Ау! ау!»

Идёт медведь, хворост трещит, кусты гнутся:

— О чём, девица, о чём, красная?

— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнцем подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки, в лес завели и покинули!

— Слезай, — сказал медведь, — я тебя домой доведу!

— Нет, медведь, — отвечала девочка Снегурочка, — я не пойду с тобой, я боюсь тебя — ты съешь меня!

Медведь ушёл.

Бежит серый волк:

— Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели да и покинули!

— Слезай, — сказал волк, — я доведу тебя до дому!

— Нет, волк, я не пойду с тобой, я боюсь тебя — ты съешь меня!

Волк ушёл. Идёт Лиса Патрикеевна:

— Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели да и покинули!

— Ах, красавица! Ах, умница! Ах, горемычная моя! Слезай скорёхонько, я тебя до дому доведу!

— Нет, лиса, льстивы твои слова, я боюся тебя — ты меня к волку заведёшь, ты медведю отдашь… Не пойду я с тобой!

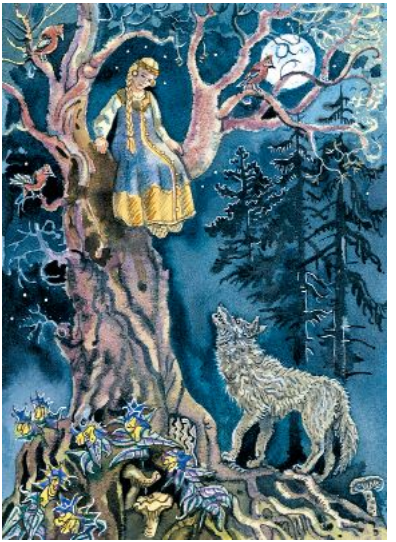
Стала лиса вокруг дерева обхаживать, на девочку Снегурочку поглядывать, с дерева её сманивать, а девочка не идёт.

— Гам, гам, гам! — залаяла собака в лесу.

А девочка Снегурочка закричала:

— Ау-ау, Жученька! Ау-ау, милая! Я здесь — девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подруженьки у дедушки, у бабушки в лес по ягодки, в лес завели да и покинули. Хотел меня медведь унести, я не пошла с ним; хотел волк увести, я отказала ему; хотела лиса сманить, я в обман не далась; а с тобой, Жучка, пойду!

Вот как услыхала лиса собачий лай, так махнула пушняком своим и была такова!



ВЛЕЗЛА СНЕГУРОЧКА НА ДЕРЕВО И КРИЧИТ: «АУ! АУ!»

Снегурочка с дерева слезла, Жучка подбежала, её лобызала, всё личико облизала и повела домой.

Стоит медведь за пнём, волк на прогалине, лиса по кустам шныряет.

Жучка лает, заливается, все её боятся, никто не приступается.

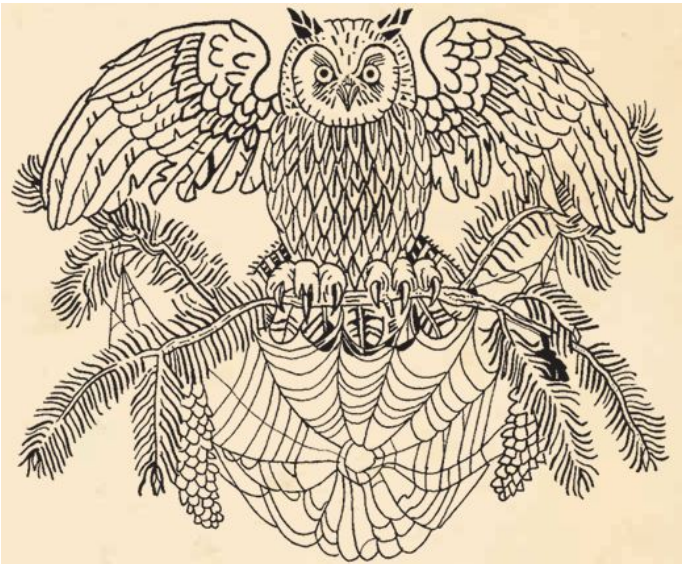
Пришли они домой; старики с радости запла-

кали. Снегурочку напоили, накормили, спать уложили, одеяльцем накрыли:

Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платьице рядить,
Уму-разуму учить!

Жучку простили, молоком напоили, приняли в милость, на старое место приставили, стеречь двор заставили.

Журавль и цапля



Летала сова — весёлая голова; вот она летела, летела да и села, головой повертела, по сторонам посмотрела, снялась и опять полетела; летала, летала да села, головой повертела, по сторонам посмотрела, а глаза у неё как плошки, не видят

ни крошки!

Это не сказка, это присказка, а сказка впереди.

Пришла весна по зиму и ну её солнышком гнать-допекать, а травку-муравку из земли вызывать; высыпала-выбежала травка на солнышко поглядеть, вынесла цветы первые — подснежные: и голубые и белые, сине-алые и жёлто-серые.

Потянулась из-за моря перелётная птица: гуси да лебеди, журавли да цапли, кулики да утки, певчие пташки и хвастунья-синичка. Все слетелись к нам на Русь гнёзда вить, семьями жить. Вот разошлись они по своим краям: по степям, по лесам, по болотам, по ручьям.

Стоит журавль один в поле, по сторонам всё поглядывает, головушку поглаживает, а сам думает: «Надо-де мне хозяйством обзавестись, гнездо свить да хозяюшку добыть».

Вот свил он гнездо вплоть у болота, а в болоте, в кочкарнике, сидит долгоносая-долгоносая цапля, сидит, на журавля поглядывает да про себя посмеивается: «Ведь уродился же неуклюжий какой!»

Тем временем надумался журавль: «Дай, говорит, посватаю цаплю, она в наш род пошла: и клюв наш, и на ногах высока». Вот и пошёл он нетореной дорожкой по болоту: тяп да тяп ногами, а ноги да хвост так и вязнут; вот он упрётся

клювом — хвост вытащит, а клюв увязнет, клюв вытащит — хвост увязнет; насилу до цаплиной кочки дошёл, поглядел в тростник и спрашивает:

— А дома ли сударушка-цапля?

— А ДОМА ЛИ СУДАРУШКА-ЦАПЛЯ?
— ЗДЕСЬ ОНА. ЧТО НАДО? — ОТВЕТИЛА ЦАПЛЯ.
— ИДИ ЗА МЕНЯ ЗАМУЖ, — СКАЗАЛ ЖУРАВЛЬ

— Здесь она. Что надо? — ответила цапля.

— Иди за меня замуж, — сказал журавль.

— Как не так, пойду я за тебя, за долговязого: на тебе и платье короткое, и сам ты пешком гуляешь, скупо живёшь, меня на гнезде с голоду уморишь!

Слова эти показались журавлю обидными. Молча он повернул да и пошёл домой: тяп да тяп, тяп да тяп.

Цапля, сидючи дома, поразмыслилась: «А что ж, и вправду, для чего я ему отказала, нешто мне лучше жить одной? Он хорошего роду, зовут его щегольком, ходит с хохолком; пойду к нему доброе слово перемолвить».

Пошла цапля, а путь по болоту не близок: то одну ногу увязит, то другую. Одну вытащит — другую увязит. Крылышко вытащит — клюв засадит; ну пришла и говорит:

— Журавль, я иду за тебя!

— Нет, цапля, — говорит ей журавль, — уж я раздумал, не хочу на тебе жениться. Иди туда, откуда пришла!

Стыдно стало цапле, закрылась она крылышком и пошла к своей кочке; а журавль, глядя за нею, пожалел, что отказал; вот он выскочил из гнезда и пошёл следом за нею болото месить. Приходит и говорит:

— Ну, так уж быть, цапля, я беру тебя за себя.

А цапля сидит сердитая-пресердитая и говорить с журавлём не хочет.

— Слышь, сударыня-цапля, я беру тебя за себя, — повторил журавль.

— Ты берёшь, да я не иду, — отвечала она.

Нечего делать, пошёл опять журавль домой. «Этакая нравная, — подумал он, — теперь ни за что не возьму её!»

Уселся журавль в траве и глядеть не хочет в ту сторону, где цапля живёт. А та опять передумала: «Лучше жить вдвоём, чем одной. Пойду помирюсь с ним и выйду за него».

Вот и пошла опять ковылять по болоту. Путь до журавля долог, болото вязко: то одну ножку увязит, то другую. Крылышко вытащит — клюв засадит; насилу добралась до журавлиного гнезда и говорит:

— Журонька, послушай-ка, так и быть, я иду за тебя!

А журавль ей в ответ:

— Нейдёт Федо́ра за Егора, а и пошла бы Федора за Егора, да Егор не берёт.

Сказав такие слова, журавль отвернулся. Цапля ушла.

Думал, думал журавль да опять пожалел, для чего было ему не согласиться взять за себя цаплю,

пока та сама хотела; встал скорёхонько и пошёл опять по болоту: тяп, тяп ногами, а ноги да хвост так и вязнут; вот упрётся он клювом, хвост вытащит — клюв увязит, а клюв вытащит — хвост увязнет.

Вот так-то и по сию пору ходят они друг за дружкой; дорожку проторили, а пива не сварили.

Война грибов с ягодами

Красным летом всего в лесу много — и грибов всяких, и всяких ягод: земляники с черникой, и малины с ежевикой, и чёрной смородины. Ходят девки по лесу, ягоды собирают, песенки распевают, а гриб-боровик, под дубочком сидючи, и пыжится, дуется, из земли прёт, на ягоды гневается: «Вишь, что их уродилось! Бывало, и мы в чести, в почёте, а ныне никто на нас и не посмотрит! Постой же, — думает боровик, всем грибам голова, — нас, грибов, сила великая — пригнетём, задушим её, сладкую ягоду!»

Задумал-загадал боровик войну, под дубом сидючи, на все грибы глядючи, и стал он грибы сзывать, стал помочь скликать:

— Идите вы, волнушки, выступайте на войну!

Отказалися волнушки:

— Мы все старые старушки, не повинны на войну.

— Идите вы, опёнки!

Отказалися опёнки:

— У нас ноги больно тонки, не пойдём на войну!

— Эй вы, сморчки! — крикнул гриб-боровик. — Снаряжайтесь на войну!

Отказалися сморчки; говорят:

— Мы старички, уж куда нам на войну!

Рассердился гриб, прогневался боровик, и крикнул он громким голосом:

— Грузди, вы ребята дру́жны, идите со мной воевать, кичливую ягоду избивать!

Откликнулись грузди с подгруздками:

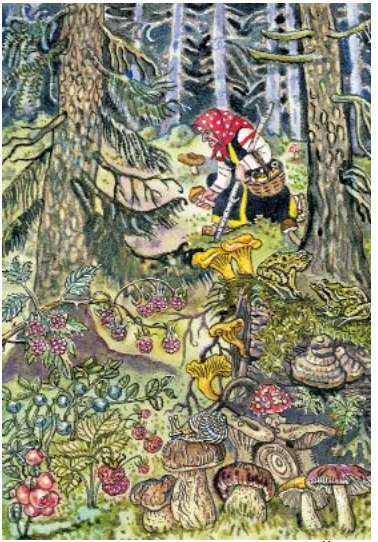
— Мы грузди, братья дружны, мы идём с тобой на войну, на лесную и полевую ягоду, мы её шапками закидаем, пятой затопчем!

Сказав это, грузди полезли дружно из земли, сухой лист над головами их вздымается, грозная рать подымается.

«Ну, быть беде», — думает зелёная травка.

А на ту пору пришла с коробом в лес тётка Варвара — широкие карманы.

Увидав великую груздевую силу, ахнула, присела и ну грибы сподряд брать да в кузов класть. Набрала его полным-полнёшенько, насилу до дому донесла, а дома разобрала грибки по родам да по званию: волнушки — в кадушки, опёнки — в бочонки, сморчки — в бурачки, груздки — в кузовки, а наибольший гриб-боровик попал в вязку; его пронизали, высушили да и продали.



ПРИШЛА С КОРОБОМ В ЛЕС ТЁТКА ВАРВАРА — ШИРОКИЕ КАРМАНЫ

С той поры перестал гриб с ягодою воевать.

Лиса и медведь

Жила-была кума Лиса; надоело Лисе на старости самой о себе промышлять, вот и пришла она к Медведю и стала проситься в жилички:

— Впусти меня, Михайло Потапыч, я лиса старая, учёная, места займу немного, не объем, не обопью, разве только после тебя поживлюсь, косточки огложу.

Медведь, долго не думав, согласился. Перешла Лиса на житьё к Медведю и стала осматривать да обнюхивать, где что у него лежит. Мишенька жил с запасом, сам досыта наедался и Лисоньку хорошо кормил. Вот заприметила она в сенцах на полочке кадочку с мёдом, а Лиса, что Медведь, любит сладко поесть; лежит она ночью да и думает, как бы ей уйти да медку полизать; лежит, хвостиком постукивает да Медведя спрашивает:

— Мишенька, никак кто-то к нам стучится?

Прислушался Медведь.

— И то, — говорит, — стучат.

— Это, знать, за мной, за старой лекаркой, пришли.

— Ну что ж, — сказал Медведь, — иди.

— Ох, куманёк, что-то не хочется вставать!

— Ну, ну, ступай, — понукал Мишка, — я и дверей за тобой не стану запирать.

Лиса заохала, слезла с печи, а как за дверь вышла, откуда и прыть взялась! Вскарабкалась на полку и ну починать кадочку; ела, ела, всю верхушку съела, досыта наелась; закрыла кадочку ветошкой, прикрыла кружком, заложила камешком, всё прибрала, как у Медведя было, и воротилась в избу как ни в чём не бывало.

Медведь её спрашивает:

— Что, кума, далеко ль ходила?

— Близёхонько, куманёк; звали соседки, ребёнок у них захворал.

— Что же, полегчало?

— Полегчало.

— А как зовут ребёнка?

— Верхушечкой, куманёк.

— Не слыхал такого имени, — сказал Медведь.

— И-и, куманёк, мало ли чудных имён на свете живёт!

Медведь уснул, и Лиса уснула.

Понравился Лисе медок, вот и на другую ночку лежит, хвостом об лавку постукивает:

ПЕРЕШЛА ЛИСА НА ЖИТЬЁ К МЕДВЕДЮ

— Мишенька, никак опять кто-то к нам стучится?

Прислушался Медведь и говорит:

— И то, кума, стучат!

— Это, знать, за мной пришли!

— Ну что же, кумушка, иди, — сказал Медведь.

— Ох, куманёк, что-то не хочется вставать, старые косточки ломать!

— Ну, ну, ступай, — понукал Медведь, — я и две-

рей за тобой не стану запирать.

Лиса заохала, слезла с печи, поплелась к дверям, а как за дверь вышла, откуда и прыть взялась! Вскарабкалась на полку, добралась до мёду, ела, ела, всю серёдку съела; наевшись досыта, закрыла кадочку тряпочкой, прикрыла кружком, заложила камешком, всё, как надо, убрала и вернулась в избу.

А Медведь её спрашивает:

— Далеко ль, кума, ходила?

— Близёхонько, куманёк. Соседи звали, у них ребёнок захворал.

— Что ж, полегчало?

— Полегчало.

— А как зовут ребёнка?

— Серёдочкой, куманёк.

— Не слыхал такого имени, — сказал Медведь.

— И-и, куманёк, мало ли чудных имён на свете живёт! — отвечала Лиса.

С тем оба и заснули.

Понравился Лисе медок; вот и на третью ночь лежит, хвостиком постукивает да сама Медведя спрашивает:

— Мишенька, никак опять к нам кто-то стучится?

Послушал Медведь и говорит:

— И то, кума, стучат.

— Это, знать, за мной пришли.

— Что же, кума, иди, коли зовут, — сказал Медведь.

— Ох, куманёк, что-то не хочется вставать, старые косточки ломать! Сам видишь — ни одной ночки соснуть не дают!

— Ну, ну, вставай, — понукал Медведь, — я и дверей за тобой не стану запирать.

Лиса заохала, закряхтела, слезла с печи и поплелась к дверям, а как за дверь вышла, откуда и прыть взялась! Вскарабкалась на полку и принялась за кадочку; ела, ела, все последки съела; наевшись досыта, закрыла кадочку тряпочкой, прикрыла кружком, пригнела камешком и всё, как надо быть, убрала. Вернувшись в избу, она залезла на печь и свернулась калачиком.

А Медведь стал Лису спрашивать:

— Далеко ль, кума, ходила?

— Близёхонько, куманёк. Звали соседи ребёнка полечить.

— Что ж, полегчало?

— Полегчало.

— А как зовут ребёнка?

— Последышком, куманёк, Последышком, Потапович!

— Не слыхал такого имени, — сказал Медведь.

— И-и, куманёк, мало ли чудных имён на свете живёт!

Медведь заснул, и Лиса уснула.

Вдолге ли, вкоротке ли, захотелось опять Лисе мёду — ведь Лиса сластёна, — вот и прикинулась она больной: кахи да кахи, покою не даёт Медведю, всю ночь прокашляла.

— Кумушка, — говорит Мишка, — хоть бы чем ни на есть полечилась.

— Ох, куманёк, есть у меня снадобьеце, только бы медку в него подбавить, и всё как есть рукой сымет.

Встал Мишка с полатей и вышел в сени, снял кадку — ан кадка пуста!

— Куда девался мёд? — заревел Медведь. — Кума, это твоих рук дело!

Лиса так закашлялась, что и ответа не дала.

— Кума, кто съел мёд?

— Какой мёд?

— Да мой, что в кадочке был!

— Коли твой был, так, значит, ты и съел, — отвечала Лиса.

— Нет, — сказал Медведь, — я его не ел, всё про случай берёг; это, знать, ты, кума, сшалила?

— Ах ты, обидчик этакий! Зазвал меня, бедную

сироту, к себе да и хочешь со свету сжить! Нет, друг, не на такую напал! Я, лиса, мигом виноватого узнаю, разведаю, кто мёд съел.

Вот Медведь обрадовался и говорит:

— Пожалуйста, кумушка, разведай!

— Ну что ж, ляжем против солнца — у кого мёд из живота вытопится, тот его и съел.

Вот легли, солнышко их пригрело. Медведь захрапел, а Лисонька — скорее домой: соскребла последний медок из кадки, вымазала им Медведя, а сама, умыв лапки, ну Мишеньку будить.

— Вставай, вора нашла! Я вора нашла! — кричит в ухо Медведю Лиса.

— Где? — заревел Мишка.

— Да вот где, — сказала Лиса и показала Мишке, что у него всё брюхо в меду.

Мишка сел, протёр глаза, провёл лапой по животу — лапа так и льнёт, а Лиса его корит:

— Вот видишь, Михайло Потапович, солнышкото мёд из тебя вытопило! Вперёд, куманёк, своей вины на другого не сваливай!

Сказав это, Лиска махнула хвостом, только Медведь и видел её.

Лиса-лапотница

Зимней ночью шла голодная кума по дорожке; на небе тучи нависли, по полю снежком порошит.

«Хоть бы на один зуб чего перекусить», — думает лисонька. Вот идёт она путём-дорогой; лежит

ошмёток. «Что же, — думает лиса, — ину пору и лапоток пригодится». Взяла лапоть в зубы и пошла далее. Приходит в деревню и у первой избы постучалась.

— Кто там? — спросил мужик, открывая оконце.

— Это я, добрый человек, лисичка-сестричка. Пусти переночевать!

— У нас и без тебя тесно! — сказал старик и хотел было задвинуть окошечко.

— Что мне, много ли надо? — просилась лиса. — Сама лягу на лавку, а хвостик под лавку, — и вся тут.

Сжалился старик, пустил лису, а она ему и говорит:

— Мужичок, мужичок, спрячь мой лапоток!

Мужик взял лапоть и кинул его под печку.

Вот ночью все заснули, лисичка слезла тихонько с лавки, подкралась к лаптю, вытащила его и закинула далеко в печь, а сама вернулась как ни в чём не бывало, легла на лавочку и хвостик спустила под лавочку.

Стало светать. Люди проснулись; старуха затопила печь, а старик стал снаряжаться в лес по дрова.

Проснулась и лисица, побежала за лапотком

— глядь, а лаптя как не бывало. Взвыла лиса:

— Обидел старик, поживился моим добром, а я за свой лапоток и курочки не возьму!

Посмотрел мужик под печь: нет лаптя! Что делать? А ведь сам клал! Пошёл, взял курицу и отдал лисе. А лиса ещё ломаться стала, курицы не берёт, и на всю деревню воет, орёт о том, как разобидел её старик.

Хозяин с хозяйкой стали ублажать лису: налили в чашку молока, покрошили хлеба, сделали яичницу и стали лису просить не побрезгать хлебом-солью. А лисе только того и хотелось. Вскочила на лавку, поела хлеб, вылакала молочка, уплела яичницу, взяла курицу, положила в мешок, простилась с хозяевами и пошла своим путём-дорогой.

Идёт да песенку попевает:

Лисичка-сестричка
Тёмной ноченькой
Шла голодная;
Она шла да шла,
Ошмёток нашла —
В люди снесла,
Добрым людям сбыла,

Курочку взяла.

Вот подходит она вечером к другой деревне. Стук, тук, тук, — стучит лиса в избу.

— Кто там? — спросил мужик.

— Это я, лисичка-сестричка. Пусти, дядюшка, переночевать!

— У нас и без тебя тесно, ступай дальше, — сказал мужик, захлопнув окно.

— Я вас не потесню, — говорила лиса. — Сама лягу на лавку, а хвост под лавку, — и вся тут!

Пустили лису. Вот поклонилась она хозяину и отдала ему на сбережение свою курочку, сама же смирнёхонько улеглась в уголок на лавку, а хвостик подвернула под лавку.

Хозяин взял курочку и пустил её к уткам за решётку. Лисица всё это видела и, как заснули хозяева, слезла тихонько с лавки, подкралась к решётке, вытащила свою курочку, ощипала, съела, а пёрышки с косточками зарыла под печью; сама же, как добрая, вскочила на лавку, свернулась клубочком и уснула.

Стало светать; баба принялась за печь, а мужик пошёл скотинке корму задать.

Проснулась и лиса, начала собираться в путь; поблагодарила хозяев за тепло, за угрев и стала у мужика спрашивать свою курочку.

Мужик полез за курицей — глядь, а курочки как не бывало! Оттуда — сюда, перебрал всех уток: что за диво — курицы нет как нет!

А лиса стоит да голосом и причитает:

— Курочка моя, чернушка моя, заклевали тебя пёстрые утки, забили тебя сизые селезни! Не возьму я за тебя любой утицы!

Сжалилась баба над лисой и говорит мужу:

— Отдадим ей уточку да покормим её на дорогу!

Вот напоили, накормили лису, отдали ей уточку и проводили за ворота.

Идёт кума-лиса, облизываясь, да песенку свою попевает:

Лисичка-сестричка
Тёмной ноченькой
Шла голодная;
Она шла да шла,
Ошмёток нашла —
В люди снесла,
Добрым людям сбыла:
За ошмёток – курочку,
За курочку – уточку.

Шла лиса близко ли, далеко ли, долго ли, корот-

ко ли — стало смеркаться. Завидела она в стороне жильё и свернула туда; приходит: тук, тук, тук в дверь!

— Кто там? — спрашивает хозяин.

— Я, лисичка-сестричка, сбилась с дороги, вся перезябла и ноженьки отбила бежавши! Пусти меня, добрый человек, отдохнуть да обогреться!

— И рад бы пустить, кумушка, да некуда!

— И-и, куманёк, я неприведлива: сама лягу на лавку, а хвост подверну под лавку, — и вся тут!

Подумал, подумал старик да и пустил лису. А лиса и рада. Поклонилась хозяевам да и просит их сберечь до утра её уточку-плосконосочку.

ПОКЛОНИЛАСЬ ЛИСА ХОЗЯИНУ И ОТДАЛА ЕМУ НА СБЕРЕЖЕНИЕ СВОЮ КУРОЧКУ

Приняли уточку-плосконосочку на сбережение и пустили её к гусям. А лисичка легла на лавку, хвост подвернула под лавку и захрапела.

— Видно, сердечная, умаялась, — сказала баба, влезая на печку.

Невдолге заснули и хозяева, а лиса только того и ждала: слезла тихонько с лавки, подкралась к гусям, схватила свою уточку-плосконосочку,

закусила, ощипала дочиста, съела, а косточки и пёрышки зарыла под печью; сама же как ни в чём не бывало легла спать и спала до бела дня. Проснулась, потянулась, огляделась; видит — одна хозяйка в избе.

— Хозяюшка, а где хозяин? — спрашивает лиса. — Мне бы надо с ним проститься, поклониться за тепло, за угрев.

— Вона, хватилась хозяина! — сказала старуха. — Да уж он теперь, чай, давно на базаре.

— Так счастливо оставаться, хозяюшка, — сказала, кланяясь, лиса. — Моя плосконосочка уже, чай, проснулась. Давай её, бабушка, скорее, пора и нам с нею пуститься в дорогу.

Старуха бросилась за уткой — глядь-поглядь, а утки нет! Что будешь делать, где взять? А отдать надо! Позади старухи стоит лиса, глаза куксит, голосом причитает: была у неё уточка, невиданная, неслыханная, пёстрая в прозолоть, за уточку ту она бы и гуська не взяла.

Испугалась хозяйка, да и ну клониться лисе:

— Возьми же, матушка Лиса Патрикеевна, возьми любого гуська! А уж я тебя напою, накормлю, ни маслица, ни яичек не пожалею.

Пошла лиса на мировую, напилась, наелась, выбрала что ни есть жирного гуся, положила в

мешок, поклонилась хозяйке и отправилась в путь-дороженьку; идёт да и припевает про себя песенку:

Лисичка-сестричка
Тёмной ноченькой
Шла голодная;
Она шла да шла,
Ошмёток нашла —
Добрым людям сбыла:
За ошмёток – курочку,
За курочку – уточку,
За уточку – гусёночка!

Шла лиса и приумаялась. Тяжело ей стало гуся в мешке нести: вот она то привстанет, то присядет, то опять побежит. Пришла ночь, и стала лиса ночлег промышлять; где в какую дверь ни постучит, везде отказ. Вот подошла она к последней избе да тихонько, несмело таково стала постукивать: тук, тук, тук, тук!

— Чего надо? — отозвался хозяин.

— Обогрей, родимый, пусти ночевать!

— Негде, и без тебя тесно!

— Я никого не потесню, — отвечала лиса, — сама лягу на лавочку, а хвостик под лавочку, — и

вся тут.

Сжалился хозяин, пустил лису, а она суёт ему на сбережение гуся; хозяин посадил его за решётку к индюшкам. Но сюда уже дошли с базару слухи про лису.

Вот хозяин и думает: «Уж не та ли это лиса, про которую народ бает?» — и стал за нею присматривать. А она, как добрая, улеглась на лавочку и хвост спустила под лавочку; сама же слушает, когда заснут хозяева. Старуха захрапела, а старик притворился, что спит. Вот лиска прыг к решётке, схватила своего гуся, закусила, ощипала и принялась есть. Ест, поест да и отдохнёт — вдруг гуся не одолеешь! Ела она, ела, а старик всё приглядывает и видит, что лиса, собрав косточки и пёрышки, снесла их под печку, а сама улеглась опять и заснула.

Проспала лиса ещё дольше прежнего, — уж хозяин её будить стал:

— Каково-де, лисонька, спала-почивала?

А лисонька только потягивается да глаза протирает.

— Пора тебе, лисонька, и честь знать. Пора в путь собираться, — сказал хозяин, отворяя ей двери настежь.

А лиска ему в ответ:

— Не почто избу студить, и сама пойду, да наперёд своё добро заберу. Давай-ка моего гуся!

— Какого? — спросил хозяин.

— Да того, что я тебе вечор отдала на сбережение; ведь ты у меня его принимал?

— Принимал, — отвечал хозяин.

— А принимал, так и подай, — пристала лиса.

— Гуся твоего за решёткой нет; поди хоть сама присмотри — одни индюшки сидят.

Услыхав это, хитрая лиса грянулась об пол и ну убиваться, ну причитать, что за своего-де гуська она бы и индюшки не взяла!

Мужик смекнул лисьи хитрости. «Постой, — думает он, — будешь ты помнить гуся!»

— Что делать, — говорит он. — Знать, надо идти с тобой на мировую.

И обещал ей за гуся отдать индюшку. А вместо индюшки тихонько подложил ей в мешок собаку. Лисонька не догадалась, взяла мешок, простилась с хозяином и пошла.

Шла она, шла, и захотелось ей спеть песенку про себя да про лапоток. Вот села она, положила мешок на землю и только было принялась петь, как вдруг выскочила из мешка хозяйская собака — да на неё, а она от собаки, а собака за нею, не отставая ни на шаг.

Вот забежали обе вместе в лес; лиска по пенькам да по кустам, а собака — за нею.

На лисонькино счастье, случилась нора; лиса вскочила в неё, а собака не пролезла в нору и стала над нею дожидаться, не выйдет ли лиса…

А лиса с испугу дышит не отдышится, а как поотдохнула, то стала сама с собой разговаривать, стала себя спрашивать:

— Ушки мои, ушки, что вы делали?

— А мы слушали да слушали, чтоб собака лисоньку не скушала.

— Глазки мои, глазки, вы что делали?

— А мы глядели да глядели, чтобы собака лисоньку не съела!

— Ножки мои, ножки, вы что делали?

— А мы бежали да бежали, чтоб собака лисоньку не поймала.

— Хвостик, хвостик, ты что делал?

— А я не давал тебе ходу, за все пеньки да сучки цеплялся.

— А, так ты не давал мне бежать! Постой, вот я тебя! — сказала лиса и, высунув хвост из норы, закричала собаке: — На вот, съешь его!

Собака схватила лису за хвост и вытащила из норы.

Медведь-половинщик

Жил-был мужичок в крайней избе на селе, что стояла подле самого леса. А в лесу жил медведь и, что ни осень, заготовлял себе жильё, берлогу, и залегал в неё с осени на всю зиму; лежал да лапу сосал. Мужичок же весну, лето и осень работал, а зимой щи и кашу ел да квасом запивал. Вот и позавидовал ему медведь; пришёл к нему и говорит:

— Соседушка, давай задружимся!

— Как с вашим братом дружиться: ты, Мишка, как раз искалечишь! — отвечал мужичок.

— Нет, — сказал медведь, — не искалечу. Слово

моё крепко — ведь я не волк, не лиса: что сказал, то и сдержу! Давай-ка станем вместе работать!

— Ну ладно, давай! — сказал мужик.

Ударили по рукам.

Вот пришла весна, стал мужик соху да борону ладить, а медведь ему из лесу вязки выламывает да таскает. Справив дело, уставив соху, мужик и говорит:

— Ну, Мишенька, впрягайся, надо пашню подымать.

Медведь впрягся в соху, выехали в поле. Мужик, взявшись за рукоять, пошёл за сохой, а Мишка идёт впереди, соху на себе тащит. Прошёл борозду, прошёл другую, прошёл третью, а на четвёртой говорит:

— Не полно ли пахать?

— Куда тебе, — отвечает мужик, — ещё надо дать концов десятка с два!

Измучился Мишка на работе. Как покончил, так тут же на пашне и растянулся.

Мужик стал обедать, накормил товарища да и говорит:

— Теперь, Мишенька, соснём, а отдохнувши, надо вдругорядь перепахать.

И в другой раз перепахали.

— Ладно, — говорит мужик, — завтра приходи,

станем боронить и сеять репу. Только уговор лучше денег. Давай наперёд положим, коли пашня уродит, что кому брать: всё ли поровну, всё ли пополам или кому вершки, а кому корешки?

— Мне вершки, — сказал медведь.

— Ну ладно, — повторил мужик, — твои вершки, а мои корешки.

Как сказано, так сделано: пашню на другой день заборонили, посеяли репу и сызнова заборонили.

Пришла осень, настала пора репу собирать. Снарядились наши товарищи, пришли на поле, повытаскали, повыбрали репу: видимо-невидимо её.

Стал мужик Мишкину долю — ботву срезывать, вороха навалил с гору, а свою репу на возу домой свёз. И медведь пошёл ботву в лес таскать, всю перетаскал к своей берлоге. Присел, попробовал, да, видно, не по вкусу пришлась!..

Пошёл к мужику, поглядел в окно; а мужичок напарил сладкой репы полон горшок, ест да причмокивает.

«Ладно, — подумал медведь, — вперёд умнее буду!»

Медведь пошёл в лес, залёг в берлогу, пососал, пососал лапу да с голодухи заснул и проспал всю

зиму.

Пришла весна, поднялся медведь, худой, тощий, голодный, и пошёл опять набиваться к соседу в работники — пшеницу сеять.

Справили соху с бороной. Впрягся медведь и пошёл таскать соху по пашне! Умаялся, упарился и стал в тень.

Мужичок сам поел, медведя накормил, и легли оба соснуть. Выспавшись, мужик стал Мишку будить:

— Пора-де вдругорядь перепахивать.

Нечего делать, принялся Мишка за дело! Как кончили пашню, медведь и говорит:

— Ну, мужичок, уговор лучше денег. Давай условимся теперь: на этот раз вершки твои, а корешки мои. Ладно, что ли?

— Ладно! — сказал мужик. — Твои корешки, мои вершки!

Ударили по рукам. На другой день пашню заборонили, посеяли пшеницу, прошли по ниве бороной и ещё раз тут же помянули, что теперь-де медведю корешки, а мужичку вершки.

Настала пора пшеницу убирать; мужик жнёт не покладаючи рук; сжал, обмолотил и на мельницу свёз. Принялся и Мишка за свой пай; надёргал соломы с корнями целые вороха и пошёл таскать

в лес к своей берлоге. Всю солому переволок, сел на пенёк отдохнуть да своего труда отведать. Пожевал соломки — нехорошо! Пожевал корешков — не лучше того!

Пошёл Мишка к мужику, заглянул в окно, а мужичок сидит за столом, пшеничные лепёшки ест, бражкой запивает да бороду утирает.

«Видно, уж моя такая доля, — подумал медведь, — что из моей работы проку нет: возьму вершки — вершки не годятся; возьму корешки — корешки не едятся!»

Тут Мишка с горя залёг в берлогу и проспал всю зиму, да уж с той поры не ходил к мужику в работу. Коли голодать, так лучше на боку лежать.

Ворона

Жила-была ворона, и жила она не одна, а с няньками, мамками, с малыми детками, с ближними и дальними соседками. Прилетели птицы из заморья, большие и малые, гуси и лебеди, пташки и пичужки, свили гнёзда в горах, в долах, в лесах, в лугах и нанесли яичек.

Подметила это ворона и ну перелётных птиц обижать, у них яички таскать!

Летел сыч и увидал, что ворона больших и малых птиц обижает, яички таскает.

— Постой, — говорит он, — негодная ворона, найдём на тебя суд и расправу!

И полетел он далеко, в каменные горы, к сизому орлу. Прилетел и просит:

— Батюшка сизо́й орёл, дай нам свой праведный суд на обидчицу-ворону! От неё житья нет ни малым, ни большим птицам: наши гнёзда разоряет, детёнышей крадёт, яйца таскает да ими своих воронят питает!

Покачал сизой орёл головой и послал за вороною лёгкого, меньшо́го своего посла — воробья. Воробей вспорхнул и полетел за вороной. Она было ну отговариваться, а на неё поднялась вся птичья сила, все пичуги, и ну щипать, клевать, к орлу на суд гнать. Нечего делать — каркнула и полетела, а все птицы взвились и следом за ней понеслись.

Вот и прилетели они к орлову жилью и обсели его, а ворона стоит посереди да обдёргивается перед орлом, охорашивается.

И стал орёл ворону допрашивать:

— Про тебя, ворона, сказывают, что ты на чужое

добро рот разеваешь, у больших и малых птиц детёнышей да яйца таскаешь!

— Напраслина, батюшка сизой орёл, напраслина, я только одни скорлупки подбираю!

— Ещё про тебя жалоба до меня доходит, что как выйдет мужичок пашню засевать, так ты подымаешься со всем своим вороньём и ну семена клевать!

— Напраслина, батюшка сизой орёл, напраслина! Я с подружками, с малыми детками, с чадами, домочадцами только червячков из свежей пашни таскаю!

— А ещё на тебя всюду народ плачется, что как хлеб сожнут да снопы в копны сложат, то ты налетишь со всем своим вороньём и давай озорничать, снопы ворошить да копны разбивать!

— Напраслина, батюшка сизой орёл, напраслина! Мы это ради доброго дела помогаем — копны разбираем, солнышку да ветру доступ даём, чтобы хлебушко не пророс да зерно просохло!

Рассердился орёл на старую врунью-ворону, велел её засадить в острог, в решётчатый теремок, за железные засовы, за булатные замки. Там она сидит и по сей день!

Привередница

Жили-были муж да жена. Детей у них было всего двое — дочка Малашечка да сынок Ивашечка. Малашечке было годков десяток или поболе, а Ивашечке всего пошёл третий. Отец и мать в детях души не чаяли, и так их избаловали, что и боже упаси! Коли дочери что наказать надо, то

они не приказывают, а просят. А потом ублажать начнут:

— Мы-де тебе и того дадим, и другого добудем!

А уж как Малашечка испривередничалась, так такой другой не то что на селе, а, чай, и в городе не было! Ты подай ей хлебца не то что пшеничного, а сдобненького, — на ржаной Малашечка и смотреть не хочет!

А испечёт мать пирог-ягодник, так Малашечка говорит: «Ки́сел, давай медку!» Нечего делать, идёт мать в поставец, зачерпнёт на ложку мёду и весь дочернин кусок ульёт. Сама же с мужем ест пирог без мёду: хоть они и с достатком были, а сами так сладко есть не могли.[1]

Вот раз понадобилось им в город ехать, они и стали Малашечку ублажать, чтобы не шалила, за братом смотрела, а пуще всего, чтобы его из избы не пускала.

— А мы-де тебе за это пряников купим, да орехов калёных, да платочек на голову, да сарафанчик с дутыми пуговками, — это мать говорила, а отец поддакивал.

Дочка же речи их в одно ухо впускала, в другое выпускала.

---

[1] Примечания: 1

Поставец — небольшой шкаф для посуды.

Вот отец с матерью уехали. Пришли к ней подруги и стали звать посидеть на травке-муравке. Вспомнила было девочка родительский наказ, да подумала: «Не велика беда, коли выйду на улицу!» А их изба была крайняя к лесу.

Подруги заманили её в лес с ребёнком — она села и стала брату веночки плесть. Подруги поманили её в коршуны поиграть, она пошла на минутку, да и заигралась целый час.

Вернулась к брату. Ан брата нет, и местечко, где сидел, остыло, только травка помята!

Что делать? Бросилась к подругам, — та не знает, другая не видала. Взвыла Малашечка, побежала куда глаза глядят, брата отыскивать; бежала, бежала, набежала в поле на печь.

— Печь, печурка! Не видала ли ты моего братца Ивашечку?

А печка ей говорит:

— Девочка-привередница, поешь моего ржаного хлеба, поешь, так скажу!

— Вот, стану я ржаной хлеб есть! Я у матушки да у батюшки и на пшеничный не гляжу!

— Эй, Малашечка, ешь хлеб, а пироги впереди! — сказала ей печь.

Малашечка рассердилась и побежала далее. Бежала, бежала, устала, — села под дикую яблоню

и спрашивает кудрявую:

— Не видала ли, куда братец Ивашечка делся?

А яблоня в ответ:

— Девочка-привередница, поешь моего дикого, кислого яблочка — может статься, тогда и скажу!

— Вот, стану я кислицу есть! У моих батюшки да матушки садовых много — и те ем по выбору!

Покачала на неё яблоня кудрявой вершиной да и говорит:

— Давали голодной Маланье оладьи, а она говорит: «Испечены неладно!»

Малаша побежала далее. Вот бежала она, бежала, набежала на молочную реку, на кисельные берега, и стала реку спрашивать:

— Речка-река! Не видала ли ты братца моего Ивашечку?

А речка ей в ответ:

— А ну-ка, девочка-привередница, поешь наперёд моего овсяного киселька с молочком, тогда, быть может, дам весточку о брате.

— Стану я есть твой кисель с молоком! У моих у батюшки и у матушки и сливочки не в диво!

— Эх, — погрозилась на неё река, — не брезгай пить из ковша, напьёшься и в припадку! [2]

---

[2] Примечания: 2

Пить в припадку — лёгши лицом прямо на воду.

Побежала привередница дальше. И долго бегала она, ища Ивашечку; наткнулась на ежа, хотела его оттолкнуть, да побоялась наколоться, вот и вздумала с ним заговорить:

— Ёжик, ёжик, не видал ли ты моего братца?

А ёжик ей в ответ:

— Видел я давеча стаю серых гусей, пронесли они в лес на себе малого ребёнка в красной рубашечке.

— Ах, это-то и есть мой братец Ивашечка! — завопила девочка-привередница. — Ёжик, голубчик, скажи мне, куда они его пронесли?

Вот и стал ей ёж сказывать: что-де в этом дремучем лесу живёт Яга-баба, в избушке на курьих ножках; в послугу наняла она себе серых гусей, и что она им прикажет, то гуси и делают.

И ну Малашечка ежа просить, ежа ласкать:

— Ёжик ты мой рябенький, ёжик игольчатый! Доведи меня до избушки на курьих ножках!

— Ладно, — сказал он и повёл Малашечку в самую чащу, а в чаще той все съедобные травы растут: кислица, борщовник да дягиль, а по деревьям седая ежевика вьётся, переплетается, за кусты цепляется, крупные ягодки на солнышке дозревают.

«Вот бы поесть!» — думает Малашечка, да уж

до еды ли ей! Махнула на сизые плетенницы и побежала за ежом. Он привёл её к старой избушке на курьих ножках. Малашечка заглянула в отворенную дверь и видит — в куте на лавке Баба Яга спит, а на конике Ивашечка сидит, цветочками играет. Схватила она брата на руки да и вон из избы![3][4]

А гуси-наёмники чутки. Сторожевой гусь вытянул шею, гагакнул, взмахнул крыльями, взлетел выше дремучего леса, глянул вокруг и видит, что Малашечка с братом бежит. Закричал, загоготал серый гусь, поднял всё стадо гусиное, а сам полетел к Бабе Яге докладывать. А Баба Яга — костяная нога так спит, что с неё пар валит, от храпа оконницы дрожат! Уж гусь ей в то ухо и в другое кричит — не слышит! Рассердился шипун, щипнул Ягу в самый нос. Вскочила Баба Яга, схватилась за нос, а серый гусь стал ей докладывать:[5]

— Баба Яга — костяная нога! У нас дома неладно, что-то сделалось — Ивашечку Малашечка

---

[3] Примечания: 3
Кут — угол.

[4] Примечания: 4
Коник — прилавок у дверей, печи.

[5] Примечания: 5
Шипун — вид лебедя из отряда гусеобразных.

домой несёт!

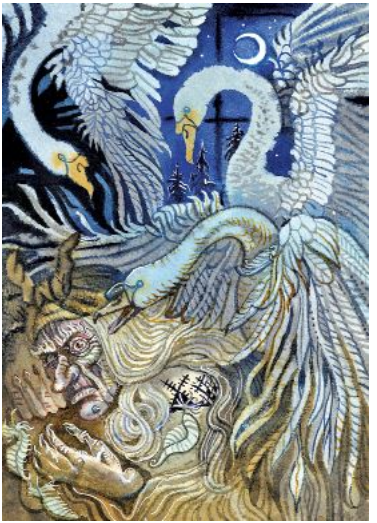
Ягу сердце взяло, — беда как расходилась! Так кошкой в глаза и мечется, пальцем тычет, бранью притыкает.[6]

— Ах вы трутни, дармоеды, из чего я вас пою, кормлю! Вынь да положь, подайте мне брата с сестрой!

Полетели гуси вдогонку. Летят да друг с дружкой перекликаются. Заслышала Малашечка гусиный крик, подбежала к молочной реке, к кисельным берегам, низенько ей поклонилась и говорит:

---

[6] Примечания: 6
Сердце взяло — рассердилась, осерчала.



ЗАКРИЧАЛ, ЗАГОГОТАЛ СЕРЫЙ ГУСЬ, ПОДНЯЛ ВСЁ СТАДО ГУСИНОЕ, А САМ ПОЛЕТЕЛ К БАБЕ ЯГЕ ДОКЛАДЫВАТЬ

— Матушка река! Скрой, схорони ты меня от диких гусей!

А река ей в ответ:

— Девочка-привередница, поешь наперёд моего овсяного киселя с молоком.

Устала голодная Малашечка, в охотку поела мужицкого киселя, припала к реке и всласть напилась молока. Вот река и говорит ей:

— Так-то вас, привередниц, голодом учить надо! Ну, теперь садись под бережок, я закрою тебя.

Малашечка села, река прикрыла её зелёным тростником; гуси налетели, покружились над рекой, поискали брата с сестрой да с тем и домой полетели.

Рассердилась Яга пуще прежнего и прогнала их опять за детьми. Вот гуси летят вдогонку, летят да меж собой перекликаются, а Малашечка, заслыша их, прытче прежнего побежала. Вот подбежала к дикой яблоне и просит её:

— Матушка зелёная яблонька! Схорони, укрой меня от беды неминучей, от злых гусей!

А яблоня ей в ответ:

— А поешь моего самородного кислого яблочка, так, может статься, и спрячу тебя!

Нечего делать, принялась девочка-привередница дикую резань есть, и показался дичок голодной Малаше слаще наливного садового яблочка.[7]

А кудрявая яблонька стоит да посмеивается:

— Вот так-то вас, причудниц, учить надо! Давеча не хотела и в рот взять, а теперь ешь над горсточкой!

Взяла яблонька, обняла ветвями брата с сест-

---

[7] Примечания: 7
Резань — дикие яблоки.

рой и посадила их в серёдочку, в самую густую листву.

Прилетели гуси, осмотрели яблоню — нет никого! Полетали ещё туда, сюда да с тем к Яге Бабе и вернулись.

Как завидела она их порожнём, закричала, затопала, завопила на весь лес:

— Вот я вас, трутней! Вот я вас, дармоедов! Все пёрышки ощиплю, на ветер пущу, самих живьём проглочу!

Испугались гуси, полетели назад за Ивашечкой и Малашечкой. Летят да жалобно друг с дружкой, передний с задним, перекликаются:

— Ту-та, ту-та? Ту-та не-ту!

Стемнело в поле, ничего не видать, негде и спрятаться, а дикие гуси всё ближе и ближе; а у девочки-привередницы ножки, ручки устали — еле плетётся.

Вот видит она — в поле та печь стоит, что её ржаным хлебом потчевала. Она к печи:

— Матушка печь, укрой меня с братом от Бабы Яги!

— То-то, девонька, слушаться бы тебе отца-матери, в лес не ходить, брата не брать, сидеть дома да есть, что отец с матерью едят! А то «варёного не ем, печёного не хочу, жареного и на дух не

надо!».

Вот Малашечка стала печку упрашивать, умаливать: вперёд-де такова не буду!

— Ну, посмотрю я. Пока поешь моего ржаного хлебца!

С радостью схватила его Малашечка и ну есть да братца кормить!

— Такого-то хлеба я отроду не едала — словно пряник-коврижка!

А печка, смеючись, говорит:

— Голодному и хлеб ржаной за пряник идёт, а сытому и коврижка вяземская не сладка! Ну, полезай теперь в устье, — сказала печь, — да заслонись заслоном.

Вот Малашечка скорёхонько села в печь, притворилась заслоном, сидит и слушает, как гуси всё ближе подлетают, жалобно друг дружку спрашивают:

— Ту-та, ту-та? Ту-та не-ту!

Вот полетали они вокруг печки. Не нашед Малашечки, опустились на землю и стали промеж себя говорить: что им теперь делать? Домой ворочаться нельзя: хозяйка их живьём съест. Здесь остаться также не можно: она велит их всех перестрелять.

— Разве вот что, братья, — сказал передовой во-

жак, — вернёмся домой, в тёплые земли, — туда Бабе Яге доступа нет!

Гуси согласились, снялись с земли и полетели далеко-далеко, за синие моря.

Отдохнувши, Малашечка схватила братца и побежала домой, а дома отец с матерью всё село исходили, каждого встречного и поперечного о детях спрашивали; никто ничего не знает, лишь только пастух сказывал, что ребята в лесу играли. Побрели отец с матерью в лес да подле села на Малашечку с Ивашечкой и наткнулись.

Тут Малашечка во всём отцу с матерью повинилась, про всё рассказала и обещала вперёд слушаться, не перечить, не привередничать, а есть, что другие едят.

Как сказала, так и сделала, а затем и сказке конец.

О дятле

Каяться и зарекаться хорошо, коли помнишь слово своё и зарок, и, сделав раз худо, станешь вперёд от худа бегать; а коли клятва твоя и божба крепка только до вечера, а с утра опять принимаешься за то же — так и в добром слове твоём добра мало.

Дятел красноголовый лазил день-деньской по пням и дуплам и всё стучал роговым носом своим в дерево, всё доспрашивался, где гниль, где червоточина, где подстой, где дрябло, где дупло, а где живое место? Стучал так, что только раздавалось во все четыре стороны по лесу. К вечеру, глядишь, голова у красноголового разболится, лоб словно обручем железным обложило, затылок ломит, не в силу терпеть.[8]

— Ну, — говорит, — полно, не стану больше долбить по-пустому; завтра посижу себе смирно, отдохну, да и вперёд не стану — что в этом проку?

---

[8] Примечания: 8
Подстой — болезнь дерева, подсыхающего от корня.

ДЯТЕЛ КРАСНОГОЛОВЫЙ ЛАЗИЛ ДЕНЬ-ДЕНЬСКОЙ ПО ПНЯМ И ДУПЛАМ И ВСЁ СТУЧАЛ РОГОВЫМ НОСОМ СВОИМ В ДЕРЕВО

Закаялся и зарёкся наш дятел, а наутро ни свет ни заря, как только пташки в лесу проснулись да защебетали, дятел наш опять пошёл долбить и барабанить по сухоподстойным пням.[9]

День прошёл, настал вечер — опять головушку разломило, и опять он закаялся — с вечера до

---

[9] Примечания: 9
Сухоподстойные пни — пни подсохших деревьев.

утра, а утром опять принимается за то же…

У тебя у самого свой ум

Козёл повадился в огород: бывало, как только пастухи выгонят гурт [10] свой, то Васька мой сперва, как добрый, идёт, головой помахивает, бородкой потряхивает; а как только ребятишки засядут в овражке где-нибудь в камешки играть, то Васька и отправляется прямо на капусту.

---

[10] Примечания: 10
Гурт — стадо.

Раз и пошёл он тем же знакомым путём, идёт себе да пофыркивает. В это время отбилась от гурта глупая овца, зашла в чащу, в крапиву да в лопушник; стоит, сердечная, да кричит, да оглядывается — не найдётся ли кто добрый человек, чтобы вывел из этой беды. Увидевши козла, обрадовалась она, как родному брату: пойду, дескать, хоть за ним. «Этот выведет: мне не первина за ним идти; у нас и впереди гурта тоже козёл-вожак идёт, за ним ступай смело!»[11]

Пошла овца наша, увязавшись за козлом. Он через овраг — она через овраг; он через тын — она через тын, и попала с ним же в огород.

На этот раз огородник заглянул как-то пораньше в капусту свою да и увидал их. Схватил он хворостину предолгую да кинулся на незваных гостей. Козёл, как попроворнее, успел перескочить опять через тын, мелькнул да и пошёл себе в чистое поле, а бедная овца замоталась, стала кидаться, оробев, во все стороны да и попалась. Не пожалел огородник хворостины своей: всю измочалил о бедную овцу, так что уже она кричит не своим голосом, да помощи нет ни от кого. Наконец огородник, подумавши про себя: чего

---

[11] Примечания: 11
Мне не первина… — мне не впервые.

доброго, ещё убьёшь дуру эту, да после хозяин привяжется, выгнал её в калитку, но ещё-таки на дорогу вытянул во всю длину хворостиной.

ВАСЬКА МОЙ СПЕРВА, КАК ДОБРЫЙ, ИДЁТ, ГОЛОВОЙ
ПОМАХИВАЕТ, БОРОДКОЙ ПОТРЯХИВАЕТ

Пришла овца домой, в гурт, да и плачется на козла; а козёл говорит:

— А кто велел тебе за мною хвостом бегать? Я

пошёл в свою голову, так мой и ответ; коли мужик мне отомнёт бока, так я ни на кого плакаться не стану, ни на хозяина, зачем дома не кормит, ни на пастуха, зачем-де не приглядел за мною, а уж буду молчать да терпеть. А тебя зачем нелёгкая понесла за мною? Я тебя не звал.

И козёл, хоть и плут, вор, а прав в этом деле. Смотри всяк своими глазами, раскидывай своим умом да и ступай туда, где лучше. И у нас то же бывает: один пустится на какой ни есть грех, а другой, на него глядя, за ним же, да после, как попадётся, и плачется на учителя. А разве у тебя у самого своего ума нет?

Лучший певчий

В сказках и притчах всегда говорится, коли вы слыхали, что орёл правит птичьим царством и что весь народ птичий у него в послушании. Пусть же так будет и у нас; орёл — всем птицам голова, он им начальник. Волостным писарем

при нём сорокопул [12], а на посылках все птицы поочерёдно, и на этот раз случилась ворона. Ведь она хоть и ворона, а всё-таки ей отбыть свою очередь надо.

Голова вздремнул, наевшись досыта, позевал на все четыре стороны, встряхнулся и, со скуки, захотел послушать хороших песен. Закричал он рассыльного; прибежала вприпрыжку ворона, отвернула учтиво нос в сторону и спросила: «Что-де прикажешь?»

— Поди, — сказал голова, — позови ко мне скорёшенько что ни есть лучшего певчего; пусть он убаюкает меня, хочу послушать его, вздремнуть и наградить его.

Подпрыгнула ворона, каркнула и полетела, замахав крыльями, что тряпицами, словно больно заторопилась исполнить волю начальника, а отлетев немного, присела на сухое дерево, стала чистить нос и думать: «Какую-де птицу я позову?»

Думала-думала и надумалась, что никому не спеть против родного детища её, против воронёнка, и притащила его к орлу.

Орёл, сидя, вздремнул было между тем сам

---

[12] Примечания: 12

Сорокопул — сорокопут, птица, чуть меньше крупного дрозда, с крючкообразным клювом, похожим на клюв хищных птиц.

про себя маленько и вздрогнул, когда воронёнок вдруг принялся усердно каркать, сколько сил доставало, а там стал повёртывать клювом, разевая его пошире, и надседался всячески, чтобы угодить на´большему своему. Старая ворона покачивала головой, постукивала ножкой, сладко улыбалась и ждала большой похвалы и милости начальства; а орёл спросил, отшатнувшись:

— Это что за набат? Режут, что ли, кого аль караул кричат?

— Это песенник, — отвечала ворона, — мой внучек; уж лучше этого хоть не ищи, государь, по всему царству своему не найдёшь…

Что значит досуг

Георгий Храбрый, который, как ведомо вам, во всех сказках и притчах держит начальство над зверями, птицами и рыбами, — Георгий Храбрый созвал всю команду свою служить, и разложил на

каждого по работе. Медведю велел, на шабаш [13], до вечера, семьдесят семь колод перетаскать да сложить срубом [14]; волку велел земляночку вырыть да нары поставить; лисе приказал пуху нащипать на три подушки; кошке-домоседке — три чулка связать да клубка не затерять; козлу-бородачу велел бритвы править, а коровушке поставил кудель, дал ей веретено: напряди, говорит, шерсти; журавлю приказал настрогать зубочисток да серников [15] наделать; гуся лапчатого в гончары пожаловал, велел три горшка да большую макитру [16] слепить; а тетёрку заставил глину месить; бабе-птице [17] приказал на уху стерлядей наловить; дятлу — дровец нарубить; воробью — припасти соломки, на подстилку, а пчеле приказал один ярус сот [18] построить да

---

[13] Примечания: 13
Шабаш — конец; работать на шабаш — работать до окончания дела.

[14] Примечания: 14
Сложить срубом — собрать брёвна в виде стен, подогнать друг к другу.

[15] Примечания: 15
Серники — лучинки, кончик которых обмакивали в серу, спички.

[16] Примечания: 16
Макитра — широкий горшок.

[17] Примечания: 17
Баба-птица — пеликан.

[18] Примечания: 18
Ярус сот — ряд, пласт, слой.

натаскать мёду.

Ну, пришёл урочный час, и Георгий Храбрый пошёл в досмотр: кто что сделал?[19]

Михайло Потапыч, медведь, работал до поту лица, так что в оба кулака только знай утирается — да толку в работе его мало: весь день с двумя ли, с тремя ли колодами провозился, и катал их, и на плечах таскал, и торчмя становил, и на крест сваливал да ещё было и лапу себе отдавил; и рядком их укладывал, концы с концами равнял да пригонял, а срубу не сложил.

Серый волк местах в пяти починал землянку рыть, да как причует да разнюхает, что нет там ни бычка зарытого, ни жеребёнка, то и покинет, да опять на новое место перейдёт.

Лисичка-сестричка надушила кур да утят много, подушки на четыре, да не стало у неё досуга щипать их чисто; она, вишь, всё до мясца добиралась, а пух да перья пускала на ветер.

Кошечка наша усаживалась подле слухового окна, на солнышке, раз десять, и принималась за урок, чулок вязать, так мыши, вишь, на подволоке, на чердаке, словно на смех, покою не дают; кинет кошурка чулок, прянет в окно, погонит-

---

[19] Примечания: 19

Урочный час — срок, назначенное время.

ся за докучливыми, шаловливыми мышатами, ухватит ли, нет ли за ворот которого-нибудь да опять выскочит в слуховое окно да за чулок; а тут, гляди, клубок скатился с кровли: беги кругом да подымай, да наматывай, а дор[20]о́гою опять мышонок навстречу попадётся, да коли удалось изловить его, так надо же с ним и побаловать, поиграть, — так чулок и пролежал; а сорока-щебетунья ещё прутки растаскала.[21]

Козёл бритвы не успел выправить; на водопой бегал с лошадьми да есть захотелось, так перескочил к соседу в огород, ухватил чесночку да капустки; а после говорит:

— Товарищ не дал работать, всё приставал да лоб подставлял пободаться.

Коровушка жвачку жевала, ещё вчерашнюю, да облизывалась, да за объедьями к кучеру сходила, да за отрубями к судомойке — и день прошёл.[22]

Журавль всё на часах стоял да вытягивался в струнку на одной ноге да поглядывал, нет ли чего нового? Да ещё пять десятин пашни перемерял,

---

[20] Примечания: 20
Слуховое окно — чердачное.

[21] Примечания: 21
Прутки — вязальные спицы.

[22] Примечания: 22
Объедья — остатки корма.

верно ли отмежёвано, — так работать некогда было: ни зубочисток, ни серников не наделал.

Гусь принялся было за работу, так тетерев, говорит, глины не подготовил, остановка была; да опять же он, гусь, за каждым разом, что ущипнёт глины да замарается, то и пойдёт мыться на пруд.

— Так, — говорит, — и не стало делового часу.

А тетерев всё время и мял и топтал, да всё одно место, битую дорожку, недоглядел, что глины под ним давно нетути.[23]

Баба-птица стерлядей пяток, правда, поймала да в свою кису, в зоб, запрятала — и тяжела стала: не смогла нырять больше, села на песочек отдыхать.[24]

Дятел надолбил носом дырок и ямочек много, да не смог, говорит, свалить ни одной липы, крепко больно на ногах стоят; а самосушнику да валежнику набрать не догадался. [25]

Воробушек таскал соломку, да только в своё гнездо; да чирикал, да подрался с соседом, что под

---

[23] Примечания: 23
Битая дорожка — утоптанная.

[24] Примечания: 24
Киса — мошна, карман, мешок; здесь: зоб.

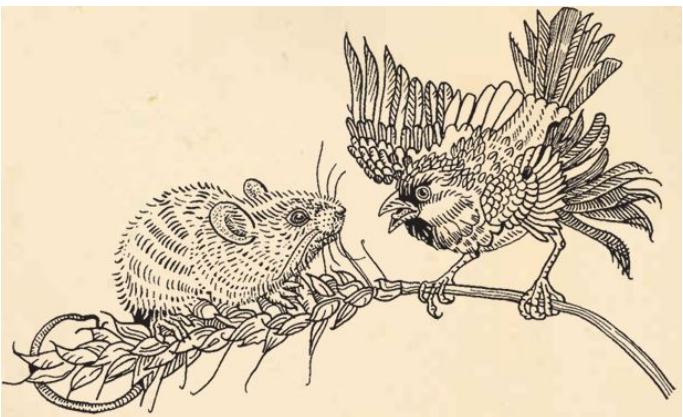
[25] Примечания: 25
Самосушник — хворост.

той же стрехой гнездо свил, он ему и чуб надрал, и головушку разломил.

Одна пчела только управилась давным-давно и собралася к вечеру на покой: по цветам порхала, поноску носила, ячейки воску белого слепила, медку наклала и заделала сверху — да и не жаловалась, не плакалась на недосуг. [26]

[26] Примечания: 26
Поноска — пчелиный взяток с цветка.

Про мышь зубастую да про воробья богатого



Пришла старуха и стала сказывать про деревенское раздолье: про ключи студёные, про луга зелёные, про леса дремучие, про хлебы хлебистые да про ярицу яристую. Это не сказка, а присказка, сказка будет впереди.

Жил-был в селе мужичок, крестьянин исправный, и работы не боялся, и о людях печаловался: коли кто был в горе да в нужде, всяк к нему за советом шёл, а коли у кого было хлеба в недоста-

че, шли к его закрому, как к своему. У кого хлеб родился сам-четвёрт, сам-пят, а у него нередко и сам-десят! Сожнёт мужичок хлеб, свезёт в овин, перечтёт снопы и каждый десятый сноп к стороне отложит, примолвя: «Это на долю бедной братьи».[27]

Услыхав такие речи, воробей зачирикал во весь рот:

— Чив, чив, чив! Мужичок полон овин хлеба навалил, да и на нашу братью видимо-невидимо отложил!

— Ш-ш-ш, не кричи во весь рот! — пропищала мышь-пискунья. — Не то все услышат: налетит ваша братья, крылатая стая, всё по зёрнышку разнесёт, весь закром склюёт, и нам ничего не достанется!

Трудновато было воробью молчать, да делать нечего: мышка больно строго ему пригрозила. Вот слетел воробей со стрехи на пол да, подсев к мышке, стал тихонько чирикать:

— Давай-де, мышка-норышка, совьём себе по гнёздышку — я под стрехой, ты в подполье — и станем жить да быть да хозяйской подачкой питаться, и будет у нас всё вместе, всё пополам.

---

[27] Примечания: 27

Сам-четвёрт, сам-пят, сам-десят — в четыре, пять, десять раз больше, чем посеяно.

Мышка согласилась. Вот и зажили они вдвоём; живут год, живут другой, а на третий стал амбар ветшать; про новый хлеб хозяин выстроил другой амбар, а в старом зерна оставалось намале. Мышка-норышка это дело смекнула, раскинула умом и порешила, что коли ей одной забрать всё зерно, то более достанется, чем с воробьём пополам. Вот прогрызла она в половице в закроме дыру, зерно высыпалось в подполье, а воробей и не видал того, как весь хлеб ушёл к мышке в нору. Стал воробей поглядывать: где зерно? Зерна не видать; он туда, сюда — нет нигде ни зёрнышка; стал воробей к мышке в нору стучаться:[28]

— Тук, тук, чив, чив, чив, дома ли, сударушка мышка?

А мышка в ответ:

— Чего ты тут расчирикался? Убирайся, и без тебя голова болит!

Заглянул воробей в подполье да как увидал там хлеба ворох, так пуще прежнего зачирикал:

— Ах ты, мышь подпольная, вишь что затеяла! Да где ж твоя правда? Уговор был: всё поровну, всё пополам, а ты это что делаешь? Взяла да и обобрала товарища!

---

[28] Примечания: 28

Оставалось намале — то есть мало.

— И-и! — пропищала мышка-норышка. — Вольно тебе старое помнить. Я так ничего знать не знаю и помнить не помню!

Нечего делать, стал воробей мышке кланяться, упрашивать, а она как выскочит, как начнёт его щипать, только перья полетели!

Рассердился и воробей, взлетел на крышу и зачирикал так, что со всего округа воробьи слетелись, видимо-невидимо. Всю крышу обсели и ну товарищево дело разбирать; всё по ниточке разобрали и на том порешили, чтобы к звериному царю всем миром с челобитьем лететь. Снялись, полетели, только небо запестрело. Вот прилетели они к звериному царю, зачирикали, защебетали, так что у царя Льва в ушах зазвенело, а он в ту пору прилёг было отдохнуть. Зевнул Лев, потянулся, да и говорит:

— Коли попусту слетелись, так убирайтесь восвояси, — спать хочу; а коли дело есть до меня, то говори один. Это петь хорошо вместе, а говорить порознь!

Вот и выскочил воробышек, что побойчее других, и стал так сказывать дело:

— Лев-государь, вот так и так: наш брат воробей положил уговор с твоей холопкой, мышью зубастой, жить в одном амбаре, есть из одного за-

крома до последнего зерна; прожили они так без мала три года, а как стал хлеб к концу подходить, мышь подпольная и слукавила — прогрызла в закроме дыру и выпустила зерно к себе в подполье; брат воробей стал её унимать, усовещивать, а она, злодейка, так его ощипала кругом, что стыдно в люди показаться. Повели, царь, мышь ту казнить, а всё зерно истцу-воробью отдать; коли же ты, государь, нас с мышью не рассудишь, так мы полетим к своему царю с челобитной!

— И давно бы так, идите к своему Орлу! — сказал Лев, потянулся и опять заснул.

Туча тучей поднялась стая воробьиная с челобитьем к Орлу на звериного царя да на его холопку-мышь. Выслушал царь Орёл да как гаркнет орлиным клёкотом:

— Позвать сюда трубача!

А грач-трубач уж тут как тут, стоит перед Орлом тише воды ниже травы.

— Труби, трубач, великий сбор моим богатырям: беркутам, соколам, коршунам, ястребам, лебедям, гусям и всему птичьему роду, чтобы клювы точили, когти вострили; будет-де вам пир на весь мир. А тому ли звериному царю разлётную грамоту неси: за то-де, что ты, царь-потатчик, присяги не памятуешь, своих зверишек

в страхе не держишь, наших пернатых жалоб не разбираешь, вот за то-де и подымается на тебя тьма-тьмущая, сила великая; и чтобы тебе, царю, выходить со своими зверишками на поле Аркское, к дубу Веретенскому.

Тем временем, выспавшись, проснулся Лев и, выслушав трубача-бирюча, зарыкал на всё своё царство звериное. Сбежались барсы, волки, медведи, весь крупный и мелкий зверь, и становились они у того дуба заветного.

И налетела на них туча грозная, непросветная, с вожаком своим, с царём Орлом, и билися обе рати не отдыхаючи три часа и три минуты, друг друга одолевая; а как нагрянула запасная сила, ночная птица, пугач да сова, тут зубастый зверь-мышь первый наутёк пошёл. Доложили о том докладчики звериному царю. Рассердился Лев-государь на зубастую мышь:

— Ах ты, мышь, мелюзга подпольная, из-за тебя, мелкой сошки, бился я, не жалеючи себя, а ты же первая тыл показала!

Тут велел Лев отбой бить, замиренья просить; а весь награбленный хлеб присудил воробью отдать, а мышь подпольную, буде найдётся, ему же, воробью, головою выдать. Мышь не нашли, сказывают: «Сбежала-де со страху за тридевять

земель, в тридесятое царство, не в наше государство».

Воробышек разжился, и стал у него что ни день, то праздник, гостей видимо-невидимо, вся крыша вплотную засажена воробьями, и чирикают они на всё село былину про мышь подпольную, про воробья богатого да про свою удаль молодецкую.

БИЛИСЯ ОБЕ РАТИ НЕ ОТДЫХАЮЧИ ТРИ ЧАСА И ТРИ МИНУТЫ, ДРУГ ДРУГА ОДОЛЕВАЯ